

Гилберт К. Честертон

Шерлок Холмс

I

Возвращение Шерлока Холмса в «Стрэнд мэгэзин»¹ через несколько лет после смерти окончательно утвердило почти героическую популярность этой фигуры, реальность которой под стать неоспоримой реальности вымышленного древнего героя какой-нибудь средневековой истории. Подобно тому как должны вернуться Артур² и Барбаросса³, люди чувствовали, что наступит время вернуться и этому невероятному сыщику. Из вымышленного литературного персонажа он превратился в живую легенду и в доказательство тому унаследовал громкую, немеркнущую славу легендарного героя, славу, не позволяющую усомниться в его бессмертии. Неброская, насквозь вымышленная фигура, не без иронии выведенная в недолговечном авантюрном повествовании, Холмс как будто бы не заслуживает столь высокопарных слов. И, тем не менее, факт остается фактом: герой Конан Дойла является, пожалуй, единственным литературным персонажем со времен Диккенса, который прочно вошел в жизнь и язык народа, став чем-то вроде Джона Булля или Санта Клауса. Любопытно, что, хотя у нас

---

¹ В 1903 г. в журнале «Стрэнд мэгэзин» был опубликован рассказ «Пустой дом», где вновь появился Шерлок Холмс, о смерти которого говорилось в 1893 г в рассказе «Последнее дело-Холмса».

² *Артур* — легендарный король бриттов. Тяжело раненный, был увезен на остров Авалон, откуда по преданию должен вернуться и вновь принять корону.

³ *Барбаросса* - прозвище императора Фридриха I. По преданию он спит в пещере и проснется, когда его позовет родина.

найдётся немало писателей, всеобщее признание которых подтверждается огромными тиражами и бурными дискуссиями, лишь один Конан Дойл создал героев, превратившихся для каждого в тип или символ, подобно тому как Пекснифф⁴ олицетворяет собой лицемерие, а Бамбл⁵ — чиновничье самодовольство. Редьярд Киплинг, например, несомненно, популярный писатель, однако, если мы подойдём к первому встречному и скажем, что такая-то проблема наверняка озадачила бы даже Стрикленда⁶, наше заявление будет воспринято с куда меньшим участием, чем если бы мы сказали то же самое о Шерлоке Холмсе. Истории мистера Киплинга доставляют неистощимое интеллектуальное наслаждение, однако запоминается нам не образ главного героя, а рассказ в целом. Мы помним о действии его прозы, но напрочь забываем о действующих лицах. Ни одному из современных героев, за исключением Шерлока Холмса, не удается выйти за пределы книги, подобно тому, как, разбивая скорлупу, выбирается на свет цыпленок. Такое удавалось героям Диккенса. В «Записках Пиквикского клуба» только намечался образ Сэма Уэллера; Сэм Уэллер грандиознее, чем книга, в которой он выведен: мы можем испытывать его философию на себе, мы можем продолжить его приключения в наших фантазиях.

Тот факт, что только Шерлоку Холмсу удалось в равной мере угодить искушенному и неискушённому читателю, сделавшись фигурой почти столь же нарицательной, как доктор Гильотин⁷ или капитан Бойкот⁸, предпо-

---

⁴ персонаж романа Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит».

⁵ персонаж романа Ч. Диккенса «Оливер Твист».

⁶ служащий полиции из рассказов Р. Киплинга «Саис мисс Юэл» (1887), «Хлопковое дело» (1909) и др.

⁷ *Гийотен Жозеф Игнас* (1738 – 1841) – французский врач, изобретатель гильотины.

⁸ *Капитан Чарльз Каннингем Бойкотт* (англ. Charles Cunningham

лагают некоторые выводы, по большей части важные и обнадеживающие. Так, благодаря феномену Шерлока Холмса мы начинаем постигать всю претенциозность и глупость рассуждений о том, что читательская масса предпочитает плохие книги хорошим. Рассказы о Шерлоке Холмсе — очень хорошие рассказы, это изящные произведения искусства, исполненные со знанием дела. Тонкая ирония, которой приправлены невероятные перипетии авантюрного повествования, дает нам право отнести эти рассказы к великой литературе смеха. Сама по себе идея показать великий ум, который растрачивается по пустякам вместо того, чтобы заняться великим делом, его достойным, нова и оригинальна; в ней заложена буйная поэзия прозаического существования. Интеллектуальные загадки и разгадки, на которых строятся все рассказы, могут показаться натянутыми и неправдоподобными, зато с точки зрения логики они четки и строго выверены; рассказы Конан Дойла — это пир логики, торжество здравого смысла. Словом, детектив Конан Дойла принадлежит хорошей литературе.

Между тем в Лондоне найдется никак не меньше девятисот девяноста девяти детективных рассказов и столько же вымышленных детективов, большинство из которых являются плохой литературой, а вернее, не литературой вовсе. Если, как принято считать, публика любит книги за то, что они плохие, совершенно непонятно, каким образом одному вымышленному детективу из тысячи удалось завоевать популярность у всех читателей до единого. На самом же деле простые люди предпочитают одного рода книги (неважно — хорошие или плохие) книгам другого

Boycott) (1832 — 1897) — британский управляющий в Ирландии. Отказ местных жителей обрабатывать его землю привёл к появлению в английском языке глагола «to boycott». Русский язык заимствовал из английского слова бойкотировать и бойкот.

рода, как хорошим, так и плохим, на что имеют совершенно законное право. Они предпочитают любовные и авантурные истории, фарсы, словом, всё то, что конкретно и осязаемо, психологическим изыскам и стилистической зауми. Однако, оказывая предпочтение какому-то одному разряду книг, они хотят, чтобы это были по возможности хорошие книги. Простой человек предпочитает эль мятному ликеру, но было бы чистым безумием предположить, что он предпочтет хорошему элю плохой. Он не станет читать Джорджа Мередита, потому что его вообще не интересуют такие книги, пусть даже и очень хорошие; будь Мередит никуда не годен, он и тогда не взялся бы за него. Но ведь ни для кого не секрет, что в литературном мире существуют сотни бесславных мередитов, с головой погрязших в своём жалком рукоделии и путаных словесах. Плохая литература — это не только любовные и авантурные романы. Сколько бы ни было невзыскательных, простых читателей, их никак не больше, чем тех молодых господ, которые взяли себе за правило презирать и поносить простого читателя. А между тем сонеты этих юных символистов, романы этих юных психологов не раскупаются с лотков, как горячие пирожки, не читаются вслух в битком набитых трактирах. Человек, который пишет книги, подобные «Эгоисту»⁹, может рассчитывать на популярность Конан Дойла не более, чем человек, делающий невиданные астрономические телескопы, на то, что они будут распродаваться, как зонтики. Однако из этого вовсе не следует, что простой человек, коль скоро он не интересуется телескопами, испытывает тайное влечение к плохим зонтикам.

---

⁹ роман Дж. Мередита (George Meredith; 1828 — 1909).

II

Все англичане читали рассказы о Шерлоке Холмсе. Это произведение столь хорошо в своем роде, что нелегко выслушивать рассуждения тех, кто силится доказать обратное. Такие рассказы строятся на том, что можно было бы назвать остроумием; они, как и любая шутка в юмористическом журнале, невозможны без выдумки, оригинальной идеи, необычного поворота. Такие истории бывают не в пример значительнее большинства посредственных серьезных сочинений. В них непременно должно что-то быть: они не могут целиком строиться на обмане, надувательстве читателя. Человек может претендовать на ум, но претендовать на остроумие он не может. Его шутки могут показаться вам гораздо менее удачными, чем они кажутся ему самому, но шутка, даже самая плохая, есть шутка; она не может быть пустым и претенциозным таинством, каким являются многие современные философские сочинения.

Многие из тех, кто способен сочинить эпическую поэму, не способны написать эпиграмму. То, что справедливо для анекдота, не менее справедливо и для сенсационного рассказа, этого растянутого анекдота, в основе которого лежит остроумие автора. Всякая истинная философия — это откровение, причём божественное откровение предпочтительней гнусных откровений из жизни высшего света. Однако мне всегда был больше по душе тот человек, который пишет короткий рассказ о загадочном убийстве в Маргейте, чем тот, кто сочиняет предлинный трактат о загадочности всего сущего.

Превосходные рассказы сэра Артура Конан Дойла могли бы быть еще лучше, не будь они местами слишком серьезны. Неуместно и ироническое отношение к Дюпену

Эдгара По¹⁰, с которым Холмс не выдерживает никакого сравнения. Остроумные догадки Шерлока Холмса сродни ярким цветам, поднявшимся из сухой земли лондонского пригорода; прозрения Дюпена — это цветы, растущие на раскидистом мрачном дереве мысли. А потому язык Дюпена сочетает в себе бурное воображение с выверенной точностью мысли, сверхъестественные порывы — с логикой закона. Главный просчет создателя Шерлока Холмса заключается в том, что Конан Дойл изображает своего детектива равнодушным к философии и поэзии, из чего следует, что философия и поэзия противопоказаны детективам. И в этом Конан Дойл уступает более блестящему, более мятежному Эдгару По, который специально оговаривает, что Дюпен не только верил в поэзию и восхищался ею, но и сам был поэтом. Будь Шерлок Холмс философом, будь он поэтом, люби он, наконец, — и он был бы еще лучшим детективом. Любопытно отметить (полагаю, читатель прекрасно помнит истории, рассказанные доктором Уотсоном), что в том самом рассказе, где идет речь о безразличии Холмса к любви и прочим сильным чувствам и о том, как это способствует рассудочности и логичности его поступков и умозаключений, в том же самом рассказе Холмса легко обманывает женщина¹¹. Будь он хоть раз влюблен, он, разумеется, не допустил бы этой оплошности.

Отказывая практической логике в поэтичности, Конан Дойл тем самым проводит идею, и без того уже укоренившуюся, будто воображение — удел рассеянных. Опасна и лжива теория о том, что поэт — существо рассеянное. Человек, наделенный истинным воображением, не может

---

¹⁰ Огюст Дюпен (С. Auguste Dupin) — детектив-любитель из рассказов Э. По «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже», и «Похищенное письмо».

¹¹ Речь идет о рассказе «Скандал в Богемии» (1891).

быть рассеянным по самой сути своей. Он глубоко проникает как в сущность вещей, его окружающих, так и во все то, что находится вне пределов его досягаемости. Именно тот, кто наделен богатым воображением, не имеет права забыть о чайной чашке из-за того, что в этот момент он думает о Платоне. Ибо, если он не изучил чашку, которую видит, как он изучит Платона, которого не видел никогда? Высший, конечный смысл творчества — это почти мучительное чувство драгоценности вселенной, к которой поэт относится так же бережно, как к драгоценной и хрупкой вазе. Идеал истинного поэта не расточительность, а возвышенная, священная бережливость. ...Некоторым из лучших людей на свете — доктору Джонсону¹², например,— была свойственна рассудочность в теории и безрассудство на практике. Однако, если поэт пренебрегает всем тем, что его окружает, он может оказаться в самом незавидном положении. Это будет почти наверняка означать, что он либо безнравствен, либо непроходимо глуп. Ведь существуют на свете люди, которые во всеуслышание и со всей прямотой заявляют, что они не желают соблюдать ничтожные законы, их окружающие, что они гордятся своей рассеянностью, что они гордятся своим пренебрежением к мелочам. Однако происходит это не потому вовсе, что эти люди безумны, а потому, что они бездумны.

Огромная популярность, выпавшая на долю приключений Шерлока Холмса, доказывает необоснованность того пренебрежения, с которым образованные классы относятся к подобной литературе. Существует значительное число совершенно законных жанров искусства, которыми хоро-

---

¹² *Сэмюэл Джонсон* (Samuel Johnson 1709 - 1784) — английский критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, чьё имя, по оценке «Британики», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века.

шие художники откровенно пренебрегают: детективный рассказ, легковесная приключенческая литература, мелодрама, водевили. Беда этих жанров не в том, что им уделяется слишком много внимания, но в том, что им не уделяется должного внимания: даже те, кто подвизается в этих жанрах, относятся к ним с нескрываемым предубеждением. Конан Дойл одержал победу, причем победу вполне заслуженную, так как он отнесся к своему искусству со всей серьезностью; он начал традиционный полицейский роман глубокими знаниями, расцвел его подлинной изобразительностью. В застывший образ полицейского сыщика с пронзительным взглядом и поднятым воротником он вдохнул черты живого человека: громадную любовь к музыке и любовь к себе, слишком абстрактную, чтобы быть эгоистичной. А главное — он окружил своего детектива поэтической атмосферой Лондона. В своем воображении он создал прежде неведомый, призрачный город, каждая аллея, каждый подвал которого таят в себе не меньше опасностей, чем книга про Родерика Ду¹³ — скал и поросших вереском пустошей. Серьезность истинного художника позволила ему вознести хотя бы один из популярных жанров на причитающуюся ему высоту.

Он написал лучшую книгу в популярном жанре, и выяснилось, что чем книга лучше, тем она популярней. Людям нужны были увлекательные истории, и они довольствовались тем, что есть, ибо увлекательная история—слишком большое удовольствие само по себе; уж лучше читать плохой рассказ, чем вовсе ничего не читать, равно как лучше съесть полбуханки хлеба, чем остаться голодным. Когда же детективный рассказ написал человек, который отнесся к детективному жанру серьезно, который

---

¹³ герой поэмы В. Скотта «Дева озёр» (1810), действие которой происходит в Горной Шотландии.

воплотил в своей прозе несбывшиеся мечты рядовых читателей, последние безоговорочно предпочли его всем тем безответственным и неумелым писакам, которые угождали им прежде. Читатели не виноваты в том, что психология и философия не утоляют их жажды к неожиданным развязкам и головоломным сюжетным хитросплетениям. Обвинять их в этом столь же разумно, как ругать людей за то, что они не принимают кошек за сторожевых псов, а перочинные ножи не используют в качестве каминных щипцов. Людям нужны детективные рассказы; им нужны фарсы, мелодрамы, популярные песенки. И перед всяким честным писателем, взявшим на себя труд вдохновиться популярными жанрами, лежит прямой путь к богатейшим и красочным просторам не изведенного еще искусства.

Перевод А. Ливерганта